

Лен. Россия 1984 18 мая

Пародия или эпиграмма?

Пародию у нас любят. Но... главным образом, читатели, а не те писатели — поэты и прозаики, — которых пародируют мастера этого сложного и странного, на мой взгляд, сатирического жанра. Впрочем, и среди писателей, в особенности среди поэтов, имеются любители пародий на самих себя: это те, кто иным, прямым способом не могут добиться не только читательского признания, но даже крохотной популярности. Читатель узнает

некоторых современных эпиграммах.

Издательство «Советский писатель» недавно выпустило в свет книгу пародий и эпиграмм Бориса Брайнина. По-моему, это его первая книга, хотя публикуется он на страницах газет и журналов уже довольно продолжительное время. Я прочитал книгу Б. Брайнина не без удовольствия.

Б. Брайнин некоторые свои произведения называет пародиями, другие — эпиграммами, но, в сущности, пародий как таковых в книге, по-моему, нет. Книга Б. Брайнина с названием «Прошу высечь» — это книга эпиграмм, но некоторые из них

Ведь на земле мужчинам,
ждавшим ласки,
Она всю жизнь
рассказывала сказки.

Шаржи, но дружеские ли?

Что такое шарж? Комическое преувеличение — пожалуй, точнее определить сущность этого понятия нельзя.

Хорошим шаржем надо, видимо, считать такой, когда художник-шаржист в своем рисунке, запечатлев — обязательно! — внешнее сходство с оригиналом,

своей натуры, это уже не просто хороший, а отличный шарж! Думается, что если человек, которого рисует шаржист, не обладает характерными чертами внешности, поддающимися комическому преувеличению, то это обстоятельство создает для художника большие, иногда непреодолимые трудности. И тогда, увы, на страницах периодической печати появляются не шаржи (да еще снабженные эпителием «дружеские»), а карикатуры, порой злобные. Изобразив свою «жертву» в виде пожилой обезьяны, художник смело называет свою бестемную карикатуру «дружеским шаржем», и... конец — делу венец. Так и пародия иногда превращается в эпиграмму с грубой начинкой.

Если нужно назвать фамилию художника-шаржиста, сумевшего не скомпрометировать эпитет «дружеский» в своих шаржевых работах, извольте — Наум Лисогорский.

И еще: почему-то у нас принято на писателей-сатириков и юмористов давать в печати только шаржи. Почему? Даже тогда, когда сатирики и юмористы собираются, чтобы серьезно и основательно обсудить проблемы своего творчества, все равно они изображаются в шаржированном виде. Нет ли тут того, до сих пор не преодоленного до конца пренебрежения к сатире и юмору в литературе, которое нет-нет да и даст себя почувствовать?

Сименон диктует

Давно я не испытывал такого удовольствия от чтения, прочитав залпом, что называется взахлеб, отрывки из воспоминаний Жоржа Сименона «Я диктую», опубликованные в «Иностранной литературе» (№ 1, 1984), а до нее в ленинградской «Звезде». Я вообще очень люблю творчество Сименона, на мой взгляд, одного из самых интересных, крупных и оригинальных писателей мира.

Сименон выситя среди так называемых «детективщиков» со своими романами о комиссаре Мегрэ, как башенный небоскреб, ровный, а в некотором отношении — опять-таки на мой взгляд — выше Конан Дойла.

Из его воспоминаний я узнал, что еще при жизни писателя его литературному герою — комиссару Мегрэ — поставлен двухметровый бронзовый памятник в Делфзейле. Редчайший случай в истории литературы.

Чем меня подкупили воспоминания Жоржа Сименона «Я диктую» — они, кстати сказать, составляют на сегодня 21 том! Напомню, что, отметив свое 70-ле-

тие, Ж. Сименон объявил через прессу, что больше не будет сочинять ни романов, ни повестей. Он написал и опубликовал 215 романов — хватит! И вот через пять лет, купив диктофон самой простой и дешевой марки, он стал диктовать свои воспоминания, как говорится, «о том и о сем», увлекся ими сам и, конечно, увлек читателей! Чем же меня лично увлекли воспоминания Ж. Сименона?

Его удивительным чувством юмора, самоиронией и той смелой правдивостью мыслей и чувств, которой обязан обладать каждый мемуарист, вспоминающий «земли родной минувшую судьбу», и в ее уже угасшем для молодого поколения свете — свою собственную.

Сименон как писатель и человек — образец высокого писательского профессионализма.

Вот как пишет Ж. Сименон о своей работе над рассказами, повестями и романами — детективными и «социально-психологическими», по терминологии самого Сименона:

«Летом на Порнероле я работал в башенке, которую построил какой-то чужак и где было невыносимо жарко. И к тому же в семь утра разом на всех лодках заводили двигатели».

Поскольку привычки владельцев лодок я изменить не мог, пришлось мне менять свои. Я начал работать с четырех утра вместо шести. В пижаме взбирался на второй этаж башни и начинал печатать. Примерно через четверть часа сбрасывал пижамную куртку. А еще через час с небольшим оказывался совершенно голым, но, к счастью, моя пишущая машинка не умела краснеть».

Невольно вспомнишь тут такой же высокий профессионализм А. П. Чехова, написавшего как-то рассказ (юмористический), по его словам, в купальне на дачной реке.

Но, конечно, не только юмором увлекли меня воспоминания Ж. Сименона. Он много пишет (вернее сказать, диктует) о низкой морали чистоганного буржуазного общества, о трудных и горьких судьбах людей из низов, о так называемом «маленьком человеке», каким он считает и самого себя по рождению и происхождению. Симпатии Ж. Сименона — на стороне тех, кто понимает, что «дальше так жить нельзя» и что общество должно быть перестроено.

Леонид
ЛЕНЧ

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ-
САТИРИКА

Читая и размышляя...

об их существовании и деятельности на ниве отечественной литературы именно благодаря стараниям пародиста.

А. Архангельский был блестящим пародистом. Он, как никто другой, умел «притворяться» пародируемым писателем, он не назойливо, точно и не грубо подчеркивал те самые броские черты творчества пародируемого, которые ему, Архангельскому, не приходилось по душе как критику. Ведь пародист — это всегда литературный критик, но пользующийся своим особым критическим оружием.

Вслед за Архангельским идут такие пародисты, как Сергей Васильев и Александр Раскин. Известно, как высоко ценил пародию на себя С. Васильев «Бурбоны из Сорбонны» сам П. Г. Антокольский, ценил за меткость, за правдивость, за то, что она была колкой, но не обидной. Она заставляла прославленного поэта, по его собственному признанию, подумать: «А может быть, и прав Сергей Васильев, упрекая меня — Павла Антокольского! — в перегрузке своих произведений историческими именами, событиями и фактами?».

Сейчас пародистом номер один у нас является, конечно, талантливый Александр Иванов. Однако и он порой допускает то, о чем уже неоднократно и говорилось, и писалось: поводом к пародии служат две, от силы четыре малоудачные строки стихотворения того или иного поэта, а не все его творчество со всеми стилистическими особенностями.

В ногу с пародией всегда шла и идет литературная эпиграмма. Часто такую эпиграмму у нас называют тоже пародией, но ведь это совсем другая материя! Во-первых, эпиграмма должна быть максимально короткой, во-вторых, автор ее никем не «притворяется» — он делает свой эпиграмменный ход совершенно открыто, от себя.

Тот же Сергей Васильев был большим мастером литературной эпиграммы. Позволю себе напомнить его эпиграмму на покойную Агнию Львовну Барто:

Пишет А. Барто
толково,
Часто в темпе Михалкова,
Но зато наверняка
Отстаёт от Маршана.
Вот надеть бы на Барто
Маршановское пальто
Да на обе бы ноги
С Михалкова сапоги...
Вот тогда бы, вот тогда бы
Всех Барто обогнала бы!..
И развеяла бы в дым
Братьев Тур
и братьев Гримм!

Эта эпиграмма очень смешна, но вместе с тем в ней нет той откровенной (и часто грубой!) злобы, которая присутствует в

написаны в пародийном стиле. Чтобы не быть голословным, приведу четверостишие из «пародии» на В. Бокова:

Завтра мне
вставать чуть свет,
Завтра будет редсовет,
Расскажи мне, балалайна,
Выйдет книжка али нет?

так преувеличил при этом некоторые характерные особенности его внешности, что шаржированный портрет стал вызывать у читателя-зрителя улыбку, усмешку, смех. А если художнику удалось показать — пунктирно хотя бы — еще и человеческий характер

Книжная графика

Из иллюстраций художника Германа ПАШКОВА к книге Алим Кешокова «Стихи — стрелы». Издательство «Современник».

А вот еще одна эпиграмма Б. Брайнина, уже не пародийного плана и тоже остроумная, она адресована И. Андроникову:

Он с малых лет
не ведал покоя
Познавками разя нас
наповал
О Лермонтове знает он
ганое,
Чего поэт сам о себе
не знал.

Как эпиграммист Борис Брайнин обладает главным творческим качеством, без него не надо и браться за перо эпиграммиста: он остроумен, и остроумие его естественное, не натужное, не вымученное. В этом легко убедиться, прочитав хотя бы одну «нейтральную» эпиграмму-эпитафию Б. Брайнина, адресованную... Шехерезаде:

Прохожий!
Здесь лежит Шехерезада,
Бедняжка
угодил в пенло ада,